

указанного законом органа не подадут в течение четырех дней президенту Сената и спикеру Палаты представителей письменное заявление, что президент все еще не в состоянии выполнять свои обязанности и полномочия. В случае, если такое заявление будет получено, решение по этому вопросу должен принять Конгресс, созвав в течение 48 часов чрезвычайную сессию (если Конгресс в это время не проводит свое регулярное заседание). Если Конгресс в течение 21 дня после получения последнего письменного заявления (а в перерывах между сессиями — в течение 21 дня после созыва чрезвычайной сессии), решит двумя третями голосов обеих палат, что президент не в состоянии выполнять свои полномочия и обязанности, то вице-президент продолжает оставаться исполняющим обязанности президента; в противном случае президент возвращается к исполнению своих полномочий и обязанностей.

Статья 26 (ратифицирована 1 июля 1971 г.)

Отдел 1. Право граждан Соединенных Штатов, достигших 18 лет, или старше, голосовать на выборах не должно нарушаться или отрицаться за ними Соединенными Штатами или отдельными штатами в связи с возрастом.

Отдел 2. Право принять соответствующие законы для обеспечения соблюдения этой статьи принадлежит Конгрессу.

А. Т. Васильев

Рене Фулоп-Миллер

ИЗ КНИГИ „ОХРАНА”^{*} (РОССИЙСКАЯ ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ)

Пожалуй, случаи, имевшие место после революции 1917 года, яснее всего показывают, что без техники, развитой охранным отделением, мало что можно сделать. Министр юстиции Керенский обратился к бывшим чиновникам охранки, находившимся в то время в тюрьме, за советом, как лучше всего противостоять интригам большевиков. Среди тех, к кому он обратился, был генерал Глобачев, начальник петербургской охранки. Его арестовали сразу после революции и тут же предложили использовать его опыт в борьбе нового правительства против экстремистов. Я хочу рассказать о моем собственном сходном опыте.

Сотрудничество с тайными агентами, завербованными в среде бунтовщиков, необходимо для политической полиции, но от этого еще очень далеко до провокации, или прямого подстрекательства, в чем всегда обвиняли охранное отделение. На самом деле, такого рода обвинения могут быть подтверждены только одним путем: враги старого режима произвольно изменили значение слова ”провокация”, и стали называть любого челове-

* А. Т. Vassilyev, Rene Fulop-Miller, *The Ochrana, The Russian Secret Police*. J. B. Lippincott Company, Philadelphia and London, 1930, pp. 63-72; 85-89.

ка, тайно снабжавшего нас информацией, агентом-провокатором. На самом деле точное значение этого многократно скопрометированного слова совсем иное. Агентом-провокатором является лишь тот, кто сам затевает некое революционное движение, а затем доносит властям на одураченных им людей. Если это слово понимать указанным образом, то я могу заверить, что настоящие провокации не только никогда не поощрялись царским правительством, но сурово наказывались.

Более того, охранному отделению, к сожалению, никогда не разрешали устраивать заговоры. Среди образованных "средняков" России считалось модным, с полным отсутствием понимания и меры, сочувствовать тому, что они принимали за либеральные идеи; и в результате антиправительственные силы оказывались сами по себе достаточно сильными, чтобы требовалось искусственно поддерживать их или чтобы охранное отделение организовывало бы заговоры в приписываемой ему манере. Отвратительные смутьяны Бурцев, Гершгуни, Балмашов, Каляев, Савинков и прочие, сообщая работавшие десятилетиями, чтобы разрушить нашу страну, до сих пор не смогли дать свидетельства, что их спровоцировали на их революционную деятельность.

Нет нужды скрывать, что кое-где, из-за неопытности местных властей, провокации действительно имели место, но если в Управлении полиции узнавали о таком случае, виновных строго наказывали. Руководители Управления — Коваленский, Е. И. Вуич, М. И. Трусевич и я — всегда чрезвычайно заботились о том, чтобы такие непоправимые действия не остались незамеченными, не говоря уже об их одобрении.

Большинство имевших место провокаций следует рассматривать как последствия революции 1905 года. Волнения показали, что политическая полиция численно мала, чтобы успешно унять беспорядочное бурление. Чтобы смягчить это зло, начальник полиции М. И. Трусевич, организовал на местах специальные отделы в помощь сотрудникам, ведущим расследования политических дел. Из-за нехватки людей, способных возглавить такие отделы, Трусевичу пришлось назначить на эти должности молодых армейских офицеров. Естественно, этим новым служащим очень часто не хватало знаний и опыта и, в довершение, между ними и местными властями нередко возни-

кали трения.

Кроме того, какое-то время Управление полиции применяло неверную практику оценки деятельности секций — механически, по числу рапортов об обнаруженных интригах революционеров. Получалось так, что, если в каком-то районе заговорщики не были очень активны, сотрудник имел основания опасаться плохого впечатления о себе в Санкт-Петербурге, поскольку он не предоставлял соответствующих сообщений. Это естественным образом приводило к соблазнительной идее создания беспорядков путем их провоцирования, чтобы раскрывший их офицер заслужил у руководителей Управления репутацию особо полезного.

Я несколько раз сталкивался с такими случаями. Среди них выделяется произошедший в Екатеринославе в 1906 году. Меня послал туда министр внутренних дел П. Н. Дурново. От прокурора местного суда я узнал, что незадолго до моего приезда глава Охранного отделения обнаружил подпольный печатный станок революционеров. Однако проводившие детальное расследование этого дела городские власти сразу же обнаружили неопровержимые свидетельства против расследования, проведенного Охранным отделением. Вот как это было. В помещении типографии нашли несколько сотен экземпляров в высшей степени криминальной брошюры, и соответствующий шрифт был установлен в станке. Изучавший дело следователь взял образцы этого шрифта и выяснил, что в каком-то месте в наборе отсутствует слово "этот". Но в готовых экземплярах брошюры это слово наличествовало. Сразу стало ясно, в чем дело. Охранное отделение имело отпечатанные где-то прокламации; один из агентов принес их в типографию и быстро установил соответствующий шрифт. Если бы этот агент не допустил небрежности в выполнении своего задания, трюк сработал бы, и невинный человек был бы сослан в Сибирь. Но в сложившейся ситуации начальник местного Охранного отделения получил нагоняй, расследование было немедленно прекращено, и ни единый волос не упал с головы печатника. Я сообщил об этом министру, который собственноручно написал на полях документа: "Ответственный за это сотрудник должен немедленно уйти в отставку; начальнику корпуса жандармов — незамедлительно сообщить

о его смещении”.

С другим случаем провокации я столкнулся, когда был главой особого отдела полицейского управления. Начальник жандармского отдела при Охранном отделении железной дороги на дальневосточной границе, который, скорее всего, прежде никогда не участвовал в расследованиях политических дел, сообщил, что революционеры из России регулярно собираются в одном клубе в Токио. Чтобы обезвредить этих людей, сообщил он, он уполномочил своего агента взорвать клуб. Прочтя это сообщение, я кинулся к шефу полиции и все ему сообщил. Этому жандармскому офицеру немедленно послали телеграмму, самым категорическим образом запрещая выполнение его безумной затеи. К счастью, телеграмма пришла вовремя, предупредив насилие, спланированное одним из наших же людей.

Этим исчерпываются все известные мне случаи провокаций. Если говорить откровенно, Управление полиции во многих случаях проявляло излишнюю подозрительность по отношению к своим подчиненным в вопросе соблюдения ими границ их полномочий.

Работа тайных агентов ограничивалась отправлением в Охранное отделение сообщений о деятельности революционных групп; им строго запрещалось активное участие в действиях, враждебных интересам государства. Разумеется, члены революционной группы, в которую входил агент, могли потребовать от него выполнения какой-то части работы, и он не всегда мог от этого увиливать, не вызывая подозрений. Соответственно, мы разрешали нашим помощникам участие в тайных собраниях и соучастие в выполнении мелких поручений. Но когда дело касалось серьезных и опасных предприятий, сотрудничающему с полицией не разрешалось повиноваться предводителям мятежников, и тогда вставал вопрос, как найти заслуживающий доверия предлог для отказа от выполнения их инструкций. Поэтому агенту было трудно, с одной стороны, создавать впечатление ревностного участия в партийных делах, а с другой, отказываться от заданий, наказуемых как тяжелое преступление. Если тайный агент не проявлял достаточного рвения, он рисковал вызвать подозрения своих сообщников, и они могли его убить. Если же, с другой стороны, его участие в насильственных дейст-

виях революционеров заходило слишком далеко, он легко мог оказаться в ситуации, исключавшей возможность возвращения к прежнему образу жизни.

Случалось иногда, что наши агенты были вынуждены, в целях самосохранения, брать у революционеров пропагандистскую литературу компрометирующего характера и даже взрывчатку, особенно когда возникала опасность домашнего обыска. В таких случаях, согласно инструкции, наши помощники должны были приносить литературу и взрывчатые вещества своему начальнику в отделение полиции, а затем объявить своей группе, что они были вынуждены уничтожить материалы, так как квартирная хозяйка стала что-то подозревать, или найти другое правдоподобное объяснение. В обязанности начальников отделов Охранного отделения входило помогать агентам изыскивать извинительные мотивы на потребу революционеров и иногда даже устраивать ради этого небольшие представления. Таким образом власти могли заполучить важные документы, не компрометируя агента в глазах заговорщиков.

Читатель может спросить, почему не всегда производились аресты лиц, о которых сообщали агенты, и почему, с другой стороны, в течение долгого времени полиция выглядела безучастным наблюдателем махинаций опасных заговорщиков. Это объясняется сложной структурой революционных организаций. Начать с того, что тайный агент полиции обычно знает лишь немногих незначительных участников заговорщических групп, в то время как настоящие руководители остаются в тени. Дело обстоит так, что деятельность организаций, имевших целью разрушение российского государства, уже была настолько разработанной, что ее нельзя было преодолеть плохо продуманными мерами насилия. Если бы полиция взяла за правило производить аресты сразу по получении первых сообщений своих осведомителей, она заполучила бы только незначительные винтики, которым даже не были известны детали заговоров, и мы никогда не смогли бы раскрыть подлинные размеры организации. Наши враги могли смеяться за нашей спиной, если бы мы немедленно арестовывали малозначительных лиц, выдвинутых вперед, так как этим самым мы предупреждали бы об опасности настоящих руководителей.

Вообще революционные общества представляли собой столь же сложную систему, как и Охранное отделение. Руководители на особо ответственных постах очень редко встречались со своими товарищами, не входившими в узкий круг активистов, и скрывались под вымышленными именами. Поэтому обычно революционер не знал, кто на самом деле стоит над ним. Вся корреспонденция доставлялась по невинно выглядящим подставным адресам, на жаргоне этих людей называвшимся "холостыми". Почти все ведущие деятели революционного лагеря имели фальшивые паспорта, и были столь искусны в сохранении секрета своей личности, что часто для властей наибольшей трудностью было установить, кто же в самом деле находится перед ними.

Все письменные материалы, которые могли быть инкриминированы, составлялись при помощи сложных шифров, писались невидимыми чернилами и хранились в весьма искусно выбранных потаенных местах. Опытные революционеры всегда старались увериться, что за ними никто не следует на улицах, и были разработаны специальные меры предосторожности на случай неожиданной полицейской облавы. Если сотрудники Охранного отделения неожиданно появлялись в квартире, вызвавшей у них подозрение, застигнутые там всегда умудрялись, задерживая занавески или каким-либо еще способом, сообщить об этом своему человеку, дежурившему снаружи на улице, и мы знали, что никто из заговорщиков не придет в раскрытую нами квартиру.

Руководящие работники партий мятежников, как правило, находились за границей и, в силу этого, вне досягаемости властей. В частности, Швейцария долго была центром разных социалистических и революционных организаций, использовавших эту страну как убежище, из которого они осуществляли систематические усилия для подрыва царской власти.

Одним из наиболее важных средств, использовавшихся всеми этими группами, были тайные печатные станки. Обнаружить и обезвредить такие очаги революции было одной из главных задач Охранного отделения, и решить ее можно было только с помощью тайных сотрудников. Если мы находили такой станок, вся найденная продукция конфисковывалась и уничтожалась; все, у кого находили хотя бы часть выпущенных подрывных материалов, на более или менее длительные сроки, отправляли в Сибирь.

Наиболее опасными врагами, с которыми приходилось иметь дело Охранному отделению, были анархисты, одержимые слепой жадной разрушения, стремившиеся уничтожить на своем пути всех приверженцев власти и порядка в государстве. Среди них было много людей с фанатической верой в правоту своих идей и необходимость такого рода действий. Но были среди анархистов и люди, просто искавшие возможности удовлетворить свои извращенные и преступные инстинкты.

Много хлопот доставляли Охранному отделению так называемые боевые группы социалистов-революционеров, часто совершавшие попытки покушения на жизнь членов царской семьи или на служащих правительственных учреждений и полиции. Численность павших от взрывов и выстрелов, организованных этой террористической организацией, очень велика. Даже жизнь царя часто находилась под серьезной угрозой. Нам постоянно сообщали о заговорах с целью убить монарха; необходима была предусмотрительность и изобретательность, чтобы предотвратить эти преступления.

Много хлопот доставляли Охранному отделению так называемые боевые группы социалистов-революционеров, часто совершавшие попытки покушения на жизнь членов царской семьи или на служащих правительственных учреждений и полиции. Численность павших от взрывов и выстрелов, организованных этой террористической организацией, очень велика. Даже жизнь царя часто находилась под серьезной угрозой. Нам постоянно сообщали о заговорах с целью убить монарха; необходима была предусмотрительность и изобретательность, чтобы предотвратить эти преступления.

* * *

Кстати, говоря об отношениях между полицейскими властями и революционерами, я хотел бы в конце коротко рассказать о покушении на Столыпина, главу Совета министров, поскольку об этом прискорбном случае ходили многочисленные и совершенно неверные слухи. Безответственные любители вмешиваться в чужие дела даже имели бесстыдство обвинить некоторых членов императорского дома в косвенном соучастии в этом преступлении.

В августе 1906 г. было совершено покушение на жизнь Столыпина, которое могло бы служить предостережением. Сам министр чудом уцелел, но члены его семьи и многие другие оказались жертвой этого заговора. Преступление было совершено, когда Столыпин жил в особняке на Аптекарском острове и довольно часто устраивал приемы. Четверо заговорщиков

подъехали в коляске к дверям министерского дома. Они вели себя как приглашенные гости и вошли в дом. Один из них был в военной форме и шлеме, где был спрятан заряд динамита. Когда он бросил шлем, последовал страшный взрыв, сразу превративший дом в кучу развалин. Несколько гостей и многие слуги были убиты; сын и дочь Столыпина были тяжело ранены. Безумные убийцы сами были разорваны на куски.

Этот ужасный случай сильно повлиял на политику министра. Прежде он скорее склонялся к либеральной точке зрения, но начиная с этого времени, занял позицию энергичного сопротивления радикальным тенденциям в стране. Чудом спасшись от покушения на его жизнь, он твердо и решительно стал противостоять всем революционным силам. Он оставался на этой позиции, пока не погиб при другом нападении.

Судьба, которой, как он чувствовал, он не мог избежать, настигла его летом 1911 года. Царь посетил Киев, и в его свите, среди других выдающихся деятелей, был глава Совета министров. Власти приняли все меры, чтобы уберечь царя от нападения. По приказу Столыпина, возглавлять управление полицейской службой было доверено генералу Курлову.

Несколько дней спустя после прибытия двора в Киев бывший тайный агент по фамилии Богров появился в местном отделении Охранного отделения и сообщил, что ему известен в подробностях план покушения на царя, замысленный группой, намеревающейся осуществить свой заговор в Киеве. Сообщение Богрова звучало очень правдоподобно, и власти приняли даже большие, чем обычно, предосторожности. Но ничего особенного не происходило — до времени.

Программа празднеств включала спектакль в Киевском театре. Излишне говорить, что в месте, где были император и высшие должностные лица, его сопровождавшие, проверке гостей было уделено особое внимание. Генерал Курлов принял все предосторожности, чтобы никто, кроме тех, относительно кого не могло быть ни малейших подозрений, не находился рядом. Вследствие этого все позволили себе быть беспечными в этот вечер; никто не имел ни малейшего предчувствия, что во время представления будет убит премьер-министр.

Это совершил тайный агент Богров. Под каким-то предло-

гом он появился в театре, когда шла пьеса, передал Кулябко, который был первым заместителем главы специальной полицейской службы в Киеве, какую-то совершенно несущественную информацию. Таким образом, Кулябко повинен в неосторожности, повлекшей самые серьезные последствия: после того как Богров передал Кулябко свое донесение, тот сказал Богрову, чтобы он ушел, но не проверил, было ли выполнено это распоряжение. Оставив Богрова без присмотра, Кулябко занялся другими делами, и Богров нашел возможность, через какое-то время, проскользнуть незамеченным в зрительный зал. Он сразу выстрелил в Столыпина несколько раз, и тот упал тяжело раненым. Через два дня он умер от этих ранений в больнице.

Этот случай дал врагам генерала Курлова хороший повод утверждать, что он как глава специальной полицейской службы, лично ответственен за это несчастье. Его Величество распорядился о проведении расследования, которым должен был руководить Трусевич, глава российской полиции. Хотя Трусевич не очень хорошо относился к генералу Курлову, расследование ни к чему не привело, и в конце-концов было прекращено по распоряжению царя.

Какие обстоятельства побудили тайного агента Богрова убить Столыпина, не вполне ясно до сих пор. Быть может, он давно хотел совершить это преступление, для этого втерся в доверие к властям, доставляя ложные сведения. Однако более правдоподобным кажется, что шайка заговорщиков, к которой он принадлежал, выбрала его в самый последний момент для убийства премьер-министра, и он не посмел, опасаясь их мщения, отказаться выполнить их приказ.